

Отзыв официального оппонента

о диссертации Б. М. Никольского
«Структурный и контекстный анализ в интерпретации трагедий Еврипида»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по
специальности 10.02.14 – «Классическая филология, византийская и новогреческая
филология»

В начале своей работы Борис Михайлович Никольский (далее БМ) отчетливо определяет положение в вещи в современной научной литературе, посвященной Еврипиду, как многообразие различных и часто противоречащих друг другу интерпретаций отдельных трагедий. В качестве крайнего проявления этих трудностей он указывает на постструктуралистское направление, которое вовсе отказывается от поиска объективного, научно верифицируемого смысла трагедии в пользу антиисторического плюрализма. БМ ставит своей задачей преодоление подобного субъективизма. Он высказывает убеждение, что каждая еврипидовская трагедия выражает определенный смысл и в качестве главной цели своего исследования ставит выработку и применение на практике метода, который должен обеспечить объективную интерпретацию основного смыслового содержания трагедий Еврипида».

Существо этого метода или совокупности методов состоит в выявлении внутреннего единства трагедии путем выявления повторяющихся элементов, наделенных смыслом, которые БМ называет вслед за Б. М. Гаспаровым «мотивами». Это могут быть повторяющиеся слова или выражения, несущие смысловую нагрузку, образы, сценические элементы, драматические ситуации. Мотивы, организованные в мотивную структуру, выражают прямо или ассоциативно идеи автора о мире и жизни человека. Если я верно понимаю мысль БМ, подобная структура, будучи выясненной исследователем, позволяет понять, какие из представлений, отразившиеся в драме, являются смысловой доминантой и ли основным смыслом трагедии, а какие играют подчиненную роль в иерархии мотивов. БМ отмечает, что его метод, направленный на исследование структуры мотивов, близок к англосаксонскому направлению «новой критики». Однако БМ стремится к преодолению и обогащению этого направления путем соединения его с историческим анализом – говоря упрощенно, он имеет в виду изучение лексики и идей Еврипида в их современном контексте. Это позволяет верифицировать историчность выявленных исследователем мотивов драмы и предполагаемый им ее основной смысл – все это должно быть подтверждено действительно засвидетельствованными для эпохи Еврипида представлениями и, таким образом, стать барьером против литературоведческого субъективизма

Актуальность и одновременно трудность поставленной автором задачи не вызывает сомнения. В самом деле, не только в изучении Еврипида, но и античной литературы вообще в

последние десятилетия ясно ощущается кризис: успели исчерпать себя и крайности идеологической или социологизаторской интерпретации и пришедший им на смену (пост)структуралистский антиисторический анализ. В классической филологии отчетливо берет верх формальное направление, сосредоточенное на трудностях текста, метрики, сценической постановки, и сама возможность интегрального толкования произведения все более вызывает сомнение. Интуитивно с таким положением вещей мыслящая филология вряд ли может смириться, так как индивидуальное восприятие художественного произведения (которое есть и у филолога) включает в себя не только формальную сторону, но и то, что обычно называется его «смыслом». Вряд ли читатель еврипидовского «Ипполита» перестанет размышлять о степени виновности его персонажей, значении божественного вмешательства и др. мотивах драмы. По-видимому, наука обязана дать ответ на вопрос, являются суждения об этом зрителя и читателя, древнего и современного, субъективными в смысле крайнего релятивизма или здесь возможно достижение хотя бы в какой-то степени объективной истины. В этом плане исследование БМ имеет не только научную, но и жизненную актуальность. Не пересказывая работу, остановимся на ее основных достижениях, а также на дискуссионных моментах.

Работа отчетливо делится на две части. Первая, бóльшая по объему и более цельная по замыслу посвящена интерпретации трагедии «Ипполит». БМ ставит своей задачей преодолеть односторонние толкования трагедии, согласно которым главным героем трагедии являются либо Ипполит либо Федра, а смысл трагедии состоит в их противоположном отношении к любовному стремлению. При этом одни исследователи приписывают Еврипиду одобрение Ипполиту и осуждение Федры, другие же наоборот, а некоторые комбинируют оба эти толкования, понимая трагедию как демонстрацию тщетности преодолеть человеческую природу (Ипполит) и одновременно как изображение невозможности сопротивляться силе любви. БМ справедливо отвергает подобные прямолинейные интерпретации и предлагает свое собственное понимание смысла трагедии. Оно сводится к тому, что тема любви не представляет собой смыслового центра произведения – губительная сила страсти есть лишь «частное проявление вообще губительной реальности, в которой проходит человеческая жизнь и перед которой человек бесконечно слаб». Нравственный смысл трагедии, согласно БМ, состоит в том, что люди стремятся к добродетели, однако из-за слабости и противоречивости самой добродетели неизбежно ошибаются, и потому высшей моральной ценностью оказывается прощение человеческих слабостей. *«Конфликты между ними (людьми) являются мнимыми, взаимное осуждение – беспочвенным, и высшей и наиболее чистой моральной ценностью предстает оправдание и прощение.*

Это понимание трагедии последовательно обосновывается и развивается в следующих семи главах первого раздела. Подробнее остановимся лишь на некоторых частях этого содержательной, ученой и в целом убедительной аргументации, отмечая ее сильные стороны и некоторые пункты, в которых у нас есть возражения.

Гл. 1 посвящена моральным ошибкам, которые совершаются героями и мотивам этих поступков, делающим их заслуживающими снисхождения, а также мотиву прощения, который, по мысли БМ, составляет главное нравственное содержание «Ипполита». Эта глава занимает центральное место в разделе. БМ убедительно показывает, что многие поступки персонажей, ведущие к морально осуждаемым следствиям, изображены как обусловленные незнанием, эмоциями и непреодолимыми обстоятельствами, т.е. теми факторами, которые обычно называются в современной афинской риторике в качестве оснований для снисхождения и оправдания, или смягчения наказания.

В целом роль невольных прегрешений, невольных в смысле совершаемых под влиянием одного из указанных факторов, в развитии действия не вызывает сомнений. Она отчетливо выступает в заключительных речах Артемиды и прослеживается по ходу всего действия, как умело демонстрирует БМ. Более сложен вопрос о моральном незнании, которое БМ понимает как чересчур жесткое следование моральным принципам, без учета конкретной ситуации, которое подробно обсуждается в следующих главах.

Мы отметили бы лишь некоторые недостатки, связанные с цитированием большего количества свидетельств, чем относится к делу. Так, настойчивое стремление Кормилицы узнать причину недуга ее госпожи вряд ли можно считать ошибкой, совершаемой по незнанию (с. 37) – в отличие от верно отмеченного заблуждения, что она способна излечить ее от недуга: к этим расспросам ее побуждает хор, и они естественны для ее близких. По-видимому, к примерам незнания как оправдательной топике нужно относить лишь те случаи, когда совершаемый поступок сам по себе морально уязвим. Также страх кормилицы, когда она слышит признание Федры в ее страсти (с. 43) не служит, очевидно, причиной укрепляющей ту в желании умереть, и не относится поэтому к оправдательной топике – этот страх естествен, с одной стороны, а с другой, не служит прямой причиной для развития действия. На с. 44-46 БМ тонко отмечает переключку в изображении сходных эмоций на разном уровне – вербальном, метрическом и т.д., но это не имеет прямого отношения к тезису о центральном значении оправдательного топоса в драме. Далеко не все отмеченные здесь случаи, как и аналогичные примеры переключки в теме незнания, связаны с темой оправдания. Однако это недостатки, проистекающие из стремления избыточно обосновать в целом верный тезис: значительная роль оправдательной топике в «Ипполите» убедительно доказана.

Более сложно обстоит дело с общим выводом БМ о том, что нравственный смысл трагедии состоит в невольном характере моральных проступков героев, которые стремятся к нравственному добру, но под воздействием обстоятельств и собственной слабости совершают моральные ошибки, которые неизбежны и потому оправданы. Такая трактовка трагедии несомненно имеет привлекательные черты. В самом деле, «Ипполит» одна из редких трагедий, в которых отсутствуют персонажи с отчетливо выраженной злой волей. Поведение каждого из них продиктовано не собственным интересом, но их представлением о нравственных ценностях, причем сами эти представления не конфликтуют очевидным образом с теми, которые разделяются в целом зрителями. Может быть, исключение составляет лишь непреклонное сопротивление Ипполита Афродите, но, как верно указывает БМ, по мере развития сюжета, даже тот зритель, который вместе с пожилым рабом осудил чрезмерное умствование молодого человека в религиозной сфере, проникается симпатией к его нравственной твердости, верности отцу и данному слову. И даже кормилица, при всей ограниченности ее нравственных воззрений, искренне стремится спасти от гибели свою госпожу. Одним словом, нельзя не согласиться с БМ, что в «Ипполите» мы имеем дело не с осуждением одного героя за счет другого, но с конфликтом людей, интересы и стремления которых волей судьбы оказались противоположными друг другу и которые гибнут в результате этой коллизии.

Но верно ли, что смысл трагедии сводится к неизбежной слабости людей, стремящихся к добродетели, и необходимость в силу этого прощения? В такой безусловной форме этот тезис вызывает сомнения. Автор верно сопоставляет мотив оправдания в трагедии с риторикой оправдательных топосов в афинском суде. Но при этом стоит учесть, что ссылки на оправдывающие обстоятельства у ораторов наверняка парировались их оппонентами, так что и отношение театральной аудитории к ним вряд было однозначным. В финале самого «Ипполита» отчетливо выступает градация в прощении: Ипполит оправдан и богиней и отцом безоговорочно, его вина – пренебрежение Афродитой – даже не упомянута; Тесея, несмотря на прощение его сыном, богиня не прощает вполне (он согрешил, но ход событий был направляем Афродитой; 1433-4 – его вина названа «естественной», но не неизбежной). О прощении Федры говорить вряд ли приходится – Артемида упоминает о том, что страсть была внушена ей Афродитой, но ее главный проступок - письмо, оклеветавшее Ипполита не получает прощения. Ее страх перед разоблачением служит объяснением ее поступка, но не видно, чтобы он был основанием для прощения: примечательно, что Тесей не упоминает о Федре вообще после разъяснений Артемиды. Наконец, Афродите Артемида сулит беспощадную месть – она убьет одного из ее любимцев (который, заметим, виновен даже менее, чем Ипполит – тот даже не будет пренебрегать Артемидой). Вряд ли, таким образом, устами Артемиды высказывается необходимость прощать

нравственные проступки не злых по существу людей, что кажется нам даже известной банализацией. Скорее, последним словом трагедии оказывается сложное соотношение ответственности и последствий, они же «наказания» (при этом наиболее невинный персонаж страдает более всех, а самые виновные – кормилица и Афродита – в конечном итоге не страдают вовсе). Прощение и сострадание, важный мотив на протяжении трагедии, играет меньшую роль, на наш взгляд в ее финале, за исключением прощения Ипполитом отца.

Возможно, указанная трудность имеет более общий характер – не в том ли дело, что трагедия прямо не учит ценностям, но драматизирует их проявления, обращаясь при этом к нравственному чувству зрителя для достижения эмоционального переживания? Там, где прощение несомненно создает это переживание, как прощение Ипполитом отца, оно присутствует. Напротив, там, где степень вины делает прощение проблематичным, как в случае с письмом Федры, драматург выводит его за пределы действия, предоставляя самим зрителям вынести свой вердикт, где вынесение вердикта о ее вине и смягчающих обстоятельствах у каждого будет неизбежно индивидуальным.

Более частные соображения: БМ сопоставляет качество, которое, по его мнению, одобряет Еврипид – способность прощать проступки, снисходить к слабостям, с ἐπιείκεια, т.е. добротой или, скорее, великодушием судей, к которой нередко апеллировали афинские ораторы, призывая учитывать не только букву закона, но и факторы, смягчающие тяжесть преступления. Само по себе это сопоставление оправдано, но мы не стали бы видеть в нем проявление субъективного понимания справедливости, которое БМ считает типичным для древности, также, на наш взгляд напрасно (для самого этого сложного понятия мы указали бы на недавнюю работу Эдварда Харриса: *The Rule of Law in Action in Democratic Athens*. Oxford 2013). ἐπιείκεια подразумевает не отход от юридического понимания справедливости, но преодоление ее слишком узкой трактовки, основывающейся на букве конкретного закона, в направлении «духа», т.е. принципов, которым имплицитно следует афинский закон в целом, но которые не учитывает данный закон. Сопоставимы ли апелляции к необходимости учитывать смягчающие факторы у Еврипида со ссылками на ἐπιείκεια в реальном судебном процессе? Часть из них вполне укладывается в более тривиальные алгоритмы оправдания, согласно строго формальному пониманию справедливости. У Еврипида имеется лишь один пример употребления ἐπιείκεια, который цитируется в работе, это фрагмент из трагедии «Полиид», согласно которому боги сносят нарушение клятвы из-за смягчающих обстоятельств - угрозы смерти, плена и предоставление родителями своего дома детям убийцам, из чего следует альтернатива – либо боги неразумны, либо чтят великодушную снисходительность выше справедливости. Это место в самом деле напоминает то, как апеллируют к ἐπιείκεια в афинском суде, и говоря о необходимости проявлять это качество, и наоборот о его

недопустимости. Однако есть ли у нас уверенность в том, что Еврипид солидарен с этими словами своего персонажа, а не использует их как софистический довод?

Наиболее сильным разделом работы нам представляется обсуждение монолога Федры о том, что препятствует людям поступать нравственно, который может считаться наиболее дискуссионной частью драмы. Согласно Федре, люди совершают моральные проступки не из-за ошибочных суждений, но из-за того, что несмотря на понимание того, что правильно, им не хватает сил следовать этому. Среди перечисленных препятствий – лень, различные удовольствия, и, наконец, αἰδώς, сложное понятие, которое БМ удачно определяет как «чувство, продиктованное пониманием человека своего места в социальной структуре и своих обязанностей по отношению к другим». Разумеется, слово это полисемично, но БМ убедительно показывает, что Еврипид стремится придать различным употреблениям его в трагедии известное единство. Федра сетует, что αἰδώς имеет двоякий характер – один аспект его является благим, другой приносит несчастья, но трудность состоит в том, что в конкретной ситуации, трудно решить, следует ли давать волю или нет этому чувству. БМ верно, на наш взгляд, отвергает несколько влиятельных научных интерпретаций трудного монолога. Он показывает, что «лень» не противостоит удовольствиям, но названа в качестве одного из них (или, точнее, в качестве источника одного из опасных удовольствий). Столь же верно отвергнуто предложение Виллинка и Ковача, что двойственны удовольствия, а не αἰδώς. Наконец, следует замечательная критика Доддса, Чарльза Сигала и Дугласа Кэйрнса, которые понимают двоякую природу αἰδώς как заботу о моральной репутации, с одной стороны, и стремление к нравственной чистоте, с другой, и видят в коллизии двух этих чувств один из важнейших конфликтов трагедии. БМ отвергает эту интерпретацию, приводя несколько аргументов, из которых наиболее убедителен для меня тот, что в подобном случае не было бы трудности с различением двух этих чувств в конкретной ситуации. Собственная интерпретация БМ состоит в том, что αἰδώς это интегральное, хотя и сложное чувство, которое оказывается нравственно безупречным и необходимым в одних ситуациях и опасным в других: БМ удачно сопоставляет ошибочное проявление его со сценой, в которой Федра уступает мольбам кормилицы и раскрывает вопреки первоначальному намерению свою тайну, а в решении Федры написать письмо, обвиняющее Ипполита, напротив, пренебрежение αἰδώς – тогда, когда это чувство было бы необходимо. Менее убедительным представляется нам соображение, что αἰδώς назван в качестве одного из источников удовольствий – проистекающих от удовлетворения побуждений, которые влекут нас к проявлениям этого чувства. Удовольствия, названные в монологе, это понятные удовольствия от приятных состояний, которые побуждают нас предаваться им и являющиеся в конечном счете злом (лень, праздность, долгие беседы с подругами), но удовольствия от проявления αἰδώς это неожиданная мысль, не получающая

подтверждения по ходу действия. Скорее в αἰδώς стоит видеть второй наряду с удовольствиями фактор, препятствующий совершению правильных поступков.

Несколько преувеличенными кажутся нам попытки отыскать следы двойственного чувства αἰδώς в ряде ключевых эпизодов драмы. Натянуто сопоставление с ним проявлений любви Кормилицы к Федре (ст. 250-54, с. 124). Отождествление раскаяния Тесея в эклоге с чувством αἰδώς основывается на употреблении этого слова в смысле прощения и снисхождения к раскаявшемуся преступнику. Но само это слово не появляется у Еврипида в данном контексте, и невероятно, чтобы зритель ассоциировал чувство Тесея к Ипполиту, который не является преступником, с этим специфическим словоупотреблением (с. 127). Напрасным приближением к справедливо отвергнутой БМ интерпретации Доддса кажется нам и попытка различить две формы αἰδώς, в трагедии в целом, когда он говорит о различии между «социально мотивированным αἰδώς, с одной стороны, и не обусловленным существующими отношениями, но напротив, преодолевающим разрыв отношений прощением».

В гл. 4 «Добродетель Ипполита и Федры» намечен ряд интересных идей о различиях в добродетели обоих героев. Нам представляется верной мысль, что Еврипид отдает предпочтение природной, наследованной добродетели, носителем которой является Ипполит, в противоположность той, что дается обучением, т.е. воспитанием. Упование Федры на рефлексию в следовании добродетели изображены как неудача – ей не удается осуществить принятое на основе длительных размышлений намерение уйти из жизни без позора, а выполнение этого решения сопровождается безнравственным поступком и бессмысленно, ввиду конечного разоблачения.

В главе 5, «Люди, боги и структура драматического конфликта», содержащей интересные сопоставления «Ипполита» и «Медеи» в плане композиции, нам были особенно интересны соображения о соотношении человеческого конфликта и божественного вмешательства в «Ипполите». Вполне убедительны соображения БМ о том, что боги «Ипполита» не простая персонификация закономерностей природы и жизни, но что в то же время, несмотря на зловещую роль в ней Афродиты, трагедию нельзя считать богоборческой или даже атеистической. Однако, как уже говорилось, мы не можем согласиться с тезисом, который БМ интересно развивает и в этой главе, что Еврипид изображает вину людей как только кажущуюся. На наш взгляд, участие богов как мощного, форсмажорного, каузального фактора, не лишает героев ответственности и лишь отчасти снимает с них вину. В плане характеристики самих богов, мы обратили бы здесь внимание на то, что ошибка Ипполита состоит именно в недооценке силы богов, в попытке судить их человеческими нравственными мерками. Быть в ладу с богами, на первый взгляд, состоит в конвенциональном почитании их, как поступают простые люди, надеющиеся, подобно хору и Кормилице, что им удастся избежать проявлений их безграничной силы. Но сбываются ли

подобные надежды, если бог действует, не считаясь с людьми? Кроме того, не вытекает ли пренебрежение Ипполита Афродитой его верностью Артемиде с ее девственным идеалом, пусть и необычным для традиционной религии, но доказывающим по ходу действия свою нравственную ценность, несмотря на плачевный для Ипполита финал? Одним словом, трагедия демонстрирует одновременно и благородство и опасность применения к религиозной сфере нравственных критериев и в этом плане представляется нам неразрешимо апоретической: божественный мир живет по своим законам и выше человеческих суждений о добре и зле; при этом он не слеп к человеческой добродетели в ее высших направлениях, но не карает за зло и не награждает за добро в материальном смысле – иначе в самом деле гибель невинного человека подрывала бы веру в существование или справедливость богов. Подчеркнем, что мы не ставим под сомнение основные выводы БМ о трактовке Еврипидом роли богов в «Ипполите»: в отрицательной их части они безусловно верны, но возможность однозначно обозначить эту роль кажется нам более проблематичной в силу самой природы драматического творчества.

Во второй части работы на примере четырех трагедий – «Алкеста», «Андромаха», «Троянки» и «Елена» - автором предпринята не менее интересная попытка прояснить основное смысловое содержание каждой трагедии путем соотнесения с политической обстановкой, в которой создавались эти произведения. Автор пользуется и здесь методом выявления основных мотивов, в целом весьма интересно и продуктивно. Конечный результат вызывает у нас, однако, некоторые сомнения. Оппонент не сомневается в том, что трагедии Еврипида содержат отклики на современные политические события, и что аллюзии стоит искать и доказывать, так как они не безразличны для замысла произведения. Однако вопрос в том, насколько велико значение подобных намеков? Диссертант, анализируя «Андромаху», доказывает, что сложный узел семейных и политических коллизий обнаруживает единство, поскольку трагедия намекает на союз Афин с прежним противником – молосским царем. Соображения об исторической ситуации, в которой ставилась трагедия, вполне убедительны. Однако драматический урок, который тонко выявлен диссертантом путем анализа переключки мотивов, это семьи, которые разрушаются мстительностью и злопамятством, а крепки от противоположных свойств. Кажется поэтому излишним видеть этой доминирующей теме намек на новый военный союз Афин, тем более считать, что именно эта символика создает смысловое единство произведения. Здесь, как нам представляется, стремление к «историзму» в понимании драмы, оправданное само себе вступает в конфликт с самим методом выявления доминантной темы. Вполне вероятно, что союз с молоссами побудил Еврипида обратиться к сюжету об Андромахе и ее сыне. Но поставим мысленный эксперимент: утратила бы драма свое единство, если убрать из нее намеки на молосскую тему?

Подведем итог. Докторская диссертация Б. М. Никольского представляет собой оригинальное исследование, сочетающее традиционные методы филологического анализа (лексический, текстологический, историко-филологический) с самостоятельно выработанной, продуманной методологией литературоведческого анализа, направленного на выявление внутреннего единства трагедии. Тщательно исследуя текст Еврипида, автор вместе с тем стремится преодолеть односторонность чистой филологии, занятой интерпретацией отдельных мест, и стремится к выяснению единого авторского замысла в каждой трагедии. Еще более важно то, что изучение иерархии мотивов, а через них – основного смысла отдельных трагедий проверяется на объективность путем изучения произведений в историческом контексте, что представляется рецензенту перспективным направлением в изучении Еврипида, возвращением к историзму путем преодоления крайностей социологизаторского и примитивно-идеологического подходов. Трудности, стоящие на пути объективного понимания смысла трагедии, очевидны и были отчасти упомянуты. Вряд ли методология, которую предлагает БМ, приведет к преодолению разногласий в изучении Еврипида – скорее, она, как можно надеяться, будет способствовать возвращению дискуссий о смысле трагедии в научное русло, способствуя отсечению заведомо субъективистских, антиисторических интерпретаций.

Приведенные нами частные возражения ни в коей мере не снижают достоинств этой глубокой, оригинальной и литературно обаятельной работы. Они имеют дискуссионный характер и свидетельствуют о высокой степени актуальности исследования Б. М. Никольского, сумевшего внести собственный, оригинальный вклад в многовековую историю изучения великого драматурга.

Таким образом, диссертация Б. М. Никольского «Структурный и контекстный анализ в интерпретации трагедий Еврипида» несомненно соответствует требованиям «Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.07.2014 г. № 842 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 30.07.2014 N 723, от 21.04. 2016 N 335, с изм., внесенным решением Верховного Суда РФ от 21.04. 2014 N АКПИ14-115), сформулированным в пунктах 9, 10, 11 и 14, и является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена актуальная научная проблема – доказано наличие в трагедиях Еврипида структурной целостности, создающейся благодаря переключке между драматическими ситуациями и событиями, позволяющими выявить смысловую доминанту трагедии, а также разработана и успешно применена оригинальная методология исследования, сочетающая структурный анализ текста и контекстный анализ лексики и топики трагедии. Автореферат и опубликованные работы (в том числе монография и 15 статей, опубликованных в журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ) полно отражают содержание диссертации, а ее

автор заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности
10.02.14 — «Классическая филология, византийская и новогреческая филология».

Профессор кафедры классической филологии
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»
доктор филологических наук
190 068 Санкт-Петербург
Лермонтовский пр. д. 28 кв.7
Телефон: (812) 714-58-68
Эл. почта: a.verlinskij@spbu.ru
2.05. 2017

А. Л. Верлинский

Подпись А. Л. Верлинского заверяю

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЯЮ

Сведения об оппоненте

Верлинский Александр Леонардович
доктор филологических наук, специальность
10.02.14 – «Классическая филология, византийская и новогреческая филология»
ученое звание - доцент
Профессор кафедры классической филологии
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

190 068 Санкт-Петербург
Лермонтовский пр. д. 28 кв.7

Телефон: (812) 714-58-68
Эл. почта: a.verlinskij@spbu.ru
verlinsky@mail.ru

Публикации

Из Афин в Стагиры – из Стагир в Афины: Об одном предложении из утраченного письма Аристотеля (Arist. fr. 669 Rose) // *Philologia Classica*. Вып. 9. Исследования по классической филологии и истории антиковедения. С.-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2014. С. 43-88 (РИНЦ)

Lysias' Chronology and the Dramatic Date of Plato's *Republic* // CHARAKTER ARETAS. Donum natalicium Bernardo Seidensticker ab amicis oblatum. Ed. N. Almazova et al. St. Petersburg – München, 2015 = *Hyperboreus* 2014. Vol. 20 [2015]. P. 158-198 (Scopus)

Родосец Ментор и датировка «Большой этики» Аристотеля // *Philologia Classica*. Вып. 10. Исследования по классической филологии и истории антиковедения. С.-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2015. С. 31-63 (РИНЦ)

2.05.2017г.

